

אפרים באוּח

Эфраим Баух

«Перстами руки человеческой...»

Феллини – Венеция – Фуко

Книга-Сефер, 2018

© Эфраим Баух, 2018

Эфраим Баух

**«Перстами руки человеческой...».
Феллини – Венеция – Фуко**

«Книга-Сэфер»

2018

Баух Э.

«Перстами руки человеческой...». Феллини – Венеция – Фуко /
Э. Баух — «Книга-Сэфер», 2018

ISBN 978-965-7288-24-7-2

В новой книге эссе, Эфраим Баух с присущими ему мудростью, эрудицией, мастерством продолжает размышлять и вспоминать. Какова цена слову, как ответственен художник, писатель, мыслитель за то, что создается «перстами рук...»...Венецианское гетто, наследие великого Феллини, философские изыскания Фуко – Эфраим Баух приглашает взглянуть на современность с этих трех точек отсчета. Истинное наслаждение получит читатель, следя за свободным течением мысли и фразы крупнейшего израильского русского писателя Эфраима Бауха.

ISBN 978-965-7288-24-7-2

© Баух Э., 2018
© Книга-Сэфер, 2018

Содержание

Феномен ли это – гетто?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эфраим Баух
«Перстами руки человеческой...».
Феллини – Венеция – Фуко

אפרים באוך

© Эфраим Баух, 2018

Феномен ли это – гетто?

Джетто нуово. Темпло истраэлико: синагога. О них не упоминают в путеводителях по Венеции.

Гетто: сочетание скученности жилья и пустых улиц, дворов, прочности дряхлых стен и эфемерности, словно бы принесенной или, точнее, нанесенной легким бризом от подножий Синая, такой затейливой и хрупкой, как венецианское стекло. Евреев эта эфемерность влекла столетиями.

Разве не на эфемерном, казалось бы, исчезающем на ветру человеке построено всё грандиозное здание еврейского Бытия, Исхода, жизни в тысячелетиях?

Эфемерность эта трагична, если ты внутри нее.

Смотришь на картину Брюллова «Последний день Помпеи» и ощущаешь себя в эпицентре трагедии. Полотно это входит в сознание картиной конца мира. А между тем, плывя на корабле, видишь извержение Везувия, как весьма локальное явление. За несколько километров и вовсе спокойно и безопасно. Вся трагедия воспринимается, как дымные клубы над горой да отдаленный грохот, подобный раскатам грома.

Так соседние народы наблюдали за борьбой Масады с Римом.

Так Европа с равнодушным любопытством следила за уничтожением шести миллионов евреев а ныне следит за борьбой Израиля.

Так в космосе кто-то увидит гибель нашей цивилизации, как вспышку в пространстве.

Строки Марины Цветаевой из «Поэмы Конца» были растворены вечным присутствием в тесном воздухе пространства заключения и злключения, первой черте оседлости, растекаясь вдаль – над переулками этого дьявольски обольстительного и, несомненно, мстительного города.

*За городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешиед вал!
Жизнь это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал...*

*Так недостойнее ль во сто крат
Стать Вечным Жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев-рейский погром —*

Город меня очаровывает с первого мгновения, несмотря на то, что попадаю туда в разгар очередного ненавистного мне маскарада.

Хотя, в общем-то, не портит мне настроения ряженный и возбужденный, как мартовский кот, клоун, выкрикивающий странные реплики, в определенной степени, пусть косвенно, касающиеся и меня, над гогочущим потоком масок, пересекающих площадь Святого Марка, после того, как с нее схлынули затопившие ее с ночи воды моря.

Так проходит эфемерная слава мирская над кромкой морской. Парадом.

Берег пустынен. Весь люд, в любое время дня и ночи снующий вдоль моря, втянуло маскарадом, рев которого доносит издалека.

Из окон какого-то дворца обдает музыкой, негромко, тревожно, до обмирания сердца: "Токката и fuga" Баха.

Меня объемлет безмолвие, очищает синий фильтр морских пространств.

И музыка подобна ручью в бликах солнца, несущему весь сор жизни, еще более высвечивающему зеленый выдох дерева.

Впервые в жизни меня отчетливо и крепко держит осязаемое чувство пребывания на грани сна и бдения. Так ощущает себя пловец на дальние дистанции, перестающий воспринимать разницу между воздушной и водной средой, живущий по закону плавания в двух этих средах, не боясь ненароком захлебнуться и пойти на дно.

Будит меня одинокий голос, пропадающий в шуме моря. Человек обращен вдаль, кличет кого-то. Из обрывков разговоров проходящих гуляк смутно проясняется, что у него утонул сын, но тело его не нашли, вот он и сошел с ума – кличет, уверенный, что сын его в море, живет и резвится с дельфинами.

Парни возятся с парусниками у берега. Разноцветные паруса трепещут на ветру крыльями бабочек. Среди них тонкая, гибкая девица, чем-то смахивающая на юную балерину. Потягивается, изгибаясь ленивым движением, подставляя лицо выглянувшему из-за облаков солнцу. И в этом непроизвольно раскрывшем себя мгновении гибкости и лени – вырвавшийся наружу краешек истинной жизни, вот уже столько часов забываемой ревом этого шумливо-глумливого маскарада, в котором все безоглядно веселятся, чтобы не столкнуться с пристальным взглядом Судьбы.

Сидя в безлюдном месте у лагуны, я слежу за летучими парусами яхт, непонятно как движущихся по замершим водам. Беру лодку, выгребая до середины лагуны лежу, глядя в небо, пытаюсь определить – куда заносит лодку. И каждый раз, подняв голову, в первое мгновение не могу понять, где нахожусь, и вообще где верх, где низ.

Не помню, и это на меня не похоже, чтобы в какой-либо точке срединной или северной Европы я услышал "Марш" Мейербергера, но помню, что это происходит здесь, ранним утром. За окнами проходит оркестр, а я лежу в постели с открытыми глазами, солнце движется пятнами по стене, ветерок колышет занавеску, а марш льется каким-то сверкающим входом в высоты ожидающей меня жизни, таким невыносимым – на грани спазма, сжимающего горло – счастьем.

Это мгновение врезается в мою память, и с этих пор я не могу спокойно слушать звуки этого марша, созданного еврейским гением, познавшим тайны немецкого духа.

Венеция пахнет женщиной.

После посещения Венеции и затем, Флоренции, для меня полотна, собранные в музеях этих городов, – как первичный омут творчества, воспоминания о райских мгновениях.

По каналу Гранде скользит одинокая гондола. Еще и еще раз поражает эта узкая, хищно длинная, дьявольски женственная, сладостно убаюкивающая форма обычной лодки, изгибающаяся краями кверху податливостью женщины, охваченной страстью. Поражает уносящий в дрем, в беззащитность ее бесшумный акулий бег по воде. Поражает это незнакомое существо – гондольер, всегда почти жонглирующий канатоходцем на узкой корме длинным и вправду похожим на шест канатоходца, веслом.

По водам канала плывет женская широкополая шляпа. На миг мне кажется, что это Нимфа, и шляпа покрывает ее волосы. От этого видения у меня самого волосы встают дыбом. Говорят: Ангел смерти. Быть может, это Нимфа смерти, чей желанный ледяной поцелуй высасывает жизнь?

Всё это подозрительно, обезоруживающе, влекуще, всё – в неуловимой стихии хитрости, бесовства, заманивания, стихии, которая неосознанно влечет в этот химерический город толпы людей со всех краев мира.

Предсмертная ветреность подобна ветренности женщины, ее кажущейся пугливой, но столь ловко замаскированной и торжествующей неверности. Солнце уже зашло, но ночь еще не наступила. Распластавшиеся отражениями в канале венецианские дворцы-палаццо с терпеливой усталостью, насчитывающей столетия, ожидают сумерек, чтобы снять с себя груз опро-

кинутости вниз этажами и колоннами, жаждут погрузиться в благодатную тьму, стерея себя начисто.

Отдохнув от собственного лицемерия, они готовятся выпорхнуть в ясное утро, отчетливо, умыто, и, окунувшись, как в молодость, в синеву канала Гранде, вновь плыть в отражении вместе с облаками, не сдвигаясь с места.

На площади Святого Марка веселье только начиналось.

Очередной карнавал.

Гогочущие голые женщины бежали мне навстречу, оказавшись вблизи мужчинами, навесившими на себя женские тела из розовой, цвета плоти, пластмассы. Маски, скоморошьи костюмы, шутовские колпаки кружились вокруг, вызывая у одинокого человека недоверчивую улыбку своей кажущейся глупостью. Но удивительно смягчали душу.

Вот они – скачут козлами, взявшись за руки, под звуки губной гармоник, развлекая себя криками, а порой и улюлюканьем, пытаясь таким спонтанным способом сломать барьеры человеческого одиночества, хотя бы на миг, на ночь, вселить надежду на встречу, мимолетность которой может стать начальным знаком новой раскованности, привязанности, любви, одним словом – спасения.

Но внезапно они окружили меня, весело топоча ногами, швырнули в мой раскрытый от удивления рот горсть конфетти. Пришлось, ретировавшись к темной стене, отплеиваться и отряхиваться. С толпой, особенно раскованной и подозрительно веселой, рискованно шутить.

Жизнь. Только выкрестами жива!

Иудами вер!

На прокажённые острова!

В ад! – всюду! – но не в

Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь

Овец – палачу!

Право-на-жительство свой лист

Но-гами топчу!

Всего каких-то шестнадцать лет отделяет написание этих строк в еще свободной Праге 1924 года от ада «прокаженных островов» – Аушвица и Бухенвальда.

На площади Святого Марка в ярко расцвеченных обжираловках готовили какое-то новое на этот вечер возлияние и обжорство. Сверкала мишура, горели площадки, пахло ладаном, мгновенно вызывающим память панихид.

Плошки, предназначенные веселить души забвением, скорее напоминали лампы за упокой душ.

Мимо меня прошел человек в парике, камзоле, с тросточкой, удивительно напоминающий Эммануила Канта. Он настолько преувеличенно имитировал сухую педантичность немецкого философа, что за ним в моем воображении мгновенно вырисовались – башенноголовый Гегель, вислоусый Ницше, сладкоулыбчивый Хайдеггер. И всех их объединяло в течение времени весьма неуважительное отношение к моему племени, открывшему миру единого Бога, хотя все они вышли «из шинели» еврея Спинозы, пусть и отлученного от еврейства за свой непозволительный для еврея рационализм.

Взрыв пьяных голосов вокруг столиков пивного бара, разноречье, прерываемое отрывками, тут же вернули меня к реальности. Сидели немецкие бюргеры, французские буржуа, новые русские – пили пиво, тресали раковыми клешнями.

Если бы не разные языки, их можно было бы отнести к единому племени пивососов.

У них одинаково бычьи красные шеи, выдающиеся брюха, пальцы почти не отличаются от раковых клешней, и все, весьма агрессивные в массовых действиях, особенно, если напялить на них мундиры, нынче отдыхают, разомлев от безделья, приятной скуки и нулевого напряжения мысли.

И в качестве такой малой мести я представил себе, явно развеселившись, как внезапно катит на них бочки классическая философия, стреляя очередями имен – Спиноза, Кант, Гегель, Ницше, Хайдеггер. «Где ваш Юм», – кричит английский философ Юм. А за ними, сшибая с ног, накатывает весь синклит французских постмодернистов. И некуда от этого бежать. Остается лишь таращить глаза и волочить неверным бегом свое раздувшееся от пива тело в туалет.

А ведь классическая философия обращалась именно к ним, выкрестам человечества, приспособлялась, сама как бы и не подозревая об этом, к ним, изведя Бога из «божественного».

*Право-на-жительство свой лист
Но-гами топчу!*

*Втаптываю! За Давидов щит —
Месть! – В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить – не захотел?!*

*Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сём христианнейшем из миров
Поэты – жиды!*

Упоительность ухода в смерть – чудовищное изобретение евреев диаспоры в вихре погромов, душегубок, крематориев.

Вал и ров, отделявшие прокаженное племя от остального мира, были обновлены немецкой изобретательностью.

Ров стал местом «месива тел».

Над ним возвели вал.

Иначе бы местные аборигены по всем градам и весям восточной Европы не могли бы ныне быть проводниками потомкам выживших в Катастрофе евреев к местам массовых расстрелов.

В дальнем сумеречном углу гостиничного холла кто-то негромко музицировал на фортепьяно, и венецианские окна, взблескивая стеклами, вместе с мраморными стенами и вазами из стекла мурано, бережно, как бы на взвеси, держали вечную праздничность этих звуков на грани печали и отчуждения от весело шаркающих подошвами и хлопающих дверьми туристов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.